

© Т. Г. Иванова

ИДЕОЛОГЕМЫ И ИХ ФОРМУЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЛАЧАХ ВОИНСКОЙ ТЕМАТИКИ (XIX—XX ВЕКА)

Предметом нашего исследования являются русские народные причитания воинской тематики, т. е. плачи, звучавшие при проводах мужчин в армию (рекрутские), на войну, а также голошения, вызванные военными бедствиями.

Мы обратились к материалам четырех разных периодов русской истории. Во-первых, это рекрутские и солдатские причитания из знаменитого собрания Е. В. Барсова, записанные собирателем в 1868 году в Олонецкой губернии на Онежском озере. Это большой блок текстов (в 200 печатных страниц), исполненных пятью вопленицами, самая знаменитая из которых — И. А. Федосова.¹ Во-вторых, малочисленные записи (8 текстов), сделанные Ф. Д. Нефедовым в Костромской губернии. Этот не датированный в публикации материал, судя по отдельным деталям текстов, относится к 1877—1878 годам,² т. е. ко времени русско-турецкой войны на Балканах, в результате которой от турецкого ига была освобождена Бол-

¹ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подг. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997. Т. 2. Далее в тексте — Барсов.

² Тексты напечатаны в составе публикации М. М. Зимина. См. прим. 5.

гария. Этот же момент русской истории прямо или косвенно отражен в голошениях (4 текста) из сборника О. Х. Агреновой-Славянской,³ причем два плача собирательными в 1886—1887 годах были записаны от И. А. Федосовой. В-третьих, в поле нашего внимания находятся тексты, собранные во время Первой мировой войны (1914—1918) И. И. Ульяновым в Пермском крае,⁴ М. М. Зиминим в Костромской губернии,⁵ М. К. Азадовским на реке Лене.⁶ К сожалению, записи причитаний, отражающих настроения Первой мировой войны, по объему существенно уступают материалам Е. В. Барсова: они весьма немногочисленны и фрагментарны. Наконец, четвертый блок текстов относится к периоду Великой Отечественной войны. Записи плачей этого времени принадлежат многим лицам, включая таких известных в русской науке фольклористов, как В. Г. Базанов и А. П. Разумова, которые работали в 1942 году на реке Печора, а в 1944—1945 годах, после освобождения г. Петрозаводска от фашистов, собирали причитания на Онежском озере.⁷

Нами предпринят анализ тех сторон плачей, которые отражают идеологию российского государства на каждом из этапов его развития. Позволим себе сделать некоторые разъяснения по поводу терминологии. Под идеологемой мы понимаем определенную идею (комплекс идей), отражающую государственную жизнь. Любая идеологема может быть выражена разными лексемами и лексическими формулами, которые и являются предметом нашего внимания.

Причитания 1868 года

Солдат. Первая идеологема, важная в связи с нашей темой, — это «солдат». Слово «рекрут», с реформами Александра II уходящее в историческое прошлое, в текстах Е. В. Барсова встречается крайне редко — «некрут» (Барсов, с. 113), «бесчастный рекрутики» (Барсов, с. 88). Доминируют формулы, строящиеся вокруг лексемы «солдат». Образ солдата в рекрутских причитаниях 1868 года является ключевым. В текстах Е. В. Барсова он встречается буквально на каждой странице. Образ строится из общефольклорных формул, характерных для создания мужского образа в русской устной традиции, — «добрый молодец», «удалый добрый молодец», «ясный сокол» и др. В устах жены солдат — «лада любимая», «ладушка». Новый статус крестьянина-землепашца, превращающегося по воле государства в солдата, в текстах плачей 1868 года выражается следующими формулами: «бесчастный добрый молодец» (Барсов, с. 60, 62), «бесталанная победная головушка» (Барсов, с. 64) и др.

Слово «солдат» (немецкое слово, пришедшее в русский язык в начале XVIII века) плакальщица, как правило, употребляет в его формах с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «солдатушка», «солдатушко», «солдатик». Отношение плачей к солдатам сказывается и в эпитетах: «бессчастны солдатюшки» (Барсов, с. 67), «солдаты новобраны» (Барсов, с. 99), «солдатики молодцы» (Барсов,

³ *Агренова-Славянская О. Х.* Описание русской крестьянской свадьбы с текстами и песнями. Тверь, 1889. Ч. 3. Далее в тексте — Агренова-Славянская.

⁴ *Ульянов И. И.* Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний // Живая старина. 1914. Вып. 3/4. С. 233—270. Далее в тексте — Ульянов. См. также другие работы И. И. Ульянова: Памятники современной войны: Материнские заповедания // Новое время. 1915. 8 (21) мая, № 14065; Обрядовые причитания при провах солдат на войну (по записям и личным наблюдениям) // Там же.

⁵ *Зимин М. М.* Плачи по призванным на военную службу (Из записей в Ковернинском крае Костромской губ., в 1916 и 1919 годах) // Второй этнографический сборник. Кострома, 1920. С. 1—10 (Труды Костром. науч. о-ва по изучению местного края; вып. 15). Далее в тексте — Зимин.

⁶ *Азадовский М. К.* Ленские причитания. Чита, 1922. Далее в тексте — Азадовский.

⁷ Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.; Л., 1962. Далее в тексте — Базанов—Разумова.

с. 103), «новобранны солдатушки бесщастны» (Барсов, с. 74), «бесщастны солдаты неталанны» (Барсов, с. 75), «бедны бесщастны солдатушки» (Барсов, с. 86), «бедны солдаты» (Барсов, с. 75), «бесщастный солдат горегорький» (Барсов, с. 97), «солдатушки походны» (Барсов, с. 67) и др. Соответственно жизнь солдатская, по причитаниям 1868 года, — «горька жизнь солдатская» (Барсов, с. 66), «бесталанна бедна» (Барсов, с. 102), «злодийна бедна» (Барсов, с. 107), «бесталанное солдатско походе» (Барсов, с. 95), «бесщастное солдатское живленьце» (Барсов, с. 168) и т. д.

Во всех перечисленных формулах прочитывается жалостливое, сочувственное отношение деревни к солдатам как к людям несчастным, оторванным от нормального, правильного крестьянского мира. 25-летняя военная служба, бывшая нормой еще во времена императора Николая I, русской деревней всегда ощущалась как несчастье — и для самого рекрута, и для его семьи, оставшейся без кормильца. Подобное же отношение к солдатчине сохранилось и в 1860-е годы. В причитании добрый молодец упрекает свою мать в том, что та «солдатушком» его «засияла», «солдатушком» «спородила» (Барсов, с. 61). Лишь в единичных стихах мы встретили формулу «бравыи солдаты завоеванны» (Барсов, с. 189), в которой заложен официальный, государственный взгляд на русское воинство. Государству нужен был храбрый солдат. Недаром эта формула оказывается вложена в уста наследника престола — будущего Александра II.

Враз. Вторая идеологема, формирующая воинскую тематику, — «враг» (т. е. враг государства). В противоположность образу солдата, идеологема «враг» для причитаний, записанных Е. В. Барсовым в 1868 году, когда Россия не вела никаких войн, оказывается абсолютно неактуальной. На протяжении 200 страниц текста упоминание врага встретилось всего 14 раз. Причитание знает слово «враг», но употребляется оно там чрезвычайно редко: «И спаси Господи Русию подселенну <...> И от *врагов да ты великих супостатных*» (Барсов, с. 206). Плакальщицы, как правило, предпочитают другую лексику — «неприятель»:

И пошли годышки ведь нонь да всё бедовыи,
И зачастую неприятель все волнуется,
И под Русию подселенну подбирается.

(Барсов, с. 84)

Во всех текстах, исполняющихся от имени женщин (мать, жена, другие родственницы солдата, соседка), мы встречаем обобщенный образ врага, в котором отсутствует его конкретно-историческая и этническая характеристика: «И сволновался *неприятель* земли русской» (Барсов, с. 46; ср. с. 203). К слову «неприятель» может также добавляться эмоциональная характеристика «злодей»: «И уж где да вы, победы, сохраняйтесь, / И от *злодиев-неприятелей* спасаетесь» (Барсов, с. 101); «И их там вышлют на сраженьце великое, / И воевать да со *злодием-неприятелем*» (Барсов, с. 143; ср. с. 204).

Очевидно, что знание женщин-плакальщиц о военных и политических событиях, в которых участвовали их сыновья и мужья, взятые в армию, было очень смутным. Это знание пополнялось и расширялось из рассказов солдат, приходивших в отпуск из армии в родные деревни. Е. В. Барсовым зафиксировано два плача, созданные по поводу солдатского отпуска. Записанные в 1868 году, они, по-видимому, отражают впечатления плакальщиц о массовых увольнениях солдат на побывку после окончания Крымской (Восточной) войны (1853—1856). Напомним, что противоборствующими силами в этой войне были Россия, претендовавшая на Дунайские земли, находившиеся в то время под турками, и Османская (турецкая) империя, союзниками которой на тот момент оказались Франция, Англия и Сардиния. Противникам России в эту войну удалось в Крыму осадить Севастополь; русские войска на Кавказе взяли турецкую крепость Карс. Причитания, созданные женщинами от имени солдата и сочиненные, без сомнения, под впечатлением от

солдатских рассказов, конкретизируют образ врага. В севернорусских текстах появляется образ турок:

И как на нашу-то Русию подселенную
И наступали-то злодии супостаты,
И ведь думали-то турки окаянныи,
И оны въехать-то в Русию подселенную,
И разорить Москву оны да всё великую,
И поразбить да оны крепость в Новгороде.

(Барсов, с. 217)

Через несколько стихов в этом же причитании читаем:

И спаси Господи Русию подселенную (...)
И спаси Господи от турки окаянной!
И пособи да, Пресвята мать Богородица,
И победить этих злодией супостатных,
И решить звание-то ведь туркам всё проклятым!

(Барсов, с. 218)

Повторим еще раз: это единственные в сборнике Е. В. Барсова строки, в которых образ врага рисуется в более или менее конкретно-историческом виде. Любопытно, что ни французы, ни англичане — противники России в 1853—1856 годах — в «Причитаньях Северного края» не упоминаются. Полагаем, что этноним «турки» вошел в севернорусские причитания 1868 года не столько в связи с исторической правдой, сколько в силу общефольклорной традиции (именно турки являются неприятелями во многих исторических песнях XVIII—XIX веков, знакомых плакальщицам).

Главный комплекс идеологем относится к тем ценностям, которые призван защищать солдат. На разных этапах существования российского государства это были разные ценности, и отношение причитаний к ним, как мы увидим далее, было весьма неоднозначное.

Со времен реформ императора Александра II, т. е. с 1860-х годов, в дореволюционной российской армии для солдат, в большинстве своем неграмотных, бывших крестьян, проводились специальные занятия, целью которых была идеологическая, если хотите, политическая, подготовка воинского состава. Задача этих занятий — превращение крестьян в подданных государства, способных сознательно выполнять гражданский и воинский долг. В поле нашего зрения находятся отдельные книги, предназначенные солдатам и офицерам-воспитателям, ответственным за идеологическую подготовку солдат. Д. Кашкаров в брошюре «Присяга под знаменем» (1888) после тяжеловесного и непонятного текста присяги в разделе «Назначение солдата» разъяснял новобранцам: «Назначение солдата, как вытекает из данной им клятвы, защищать Веру, Царя и Отечество от врагов внешних и внутренних». ⁸ Эта формула — вера, царь и отечество (или за веру, царя и отечество) — и была главной в идеологической пропаганде дореволюционной России.

Как же названные ценности отражаются в причитаниях 1868 года?

Прежде всего отметим, что плачи знают эту трехчастную идеологему и воплощают ее в фольклорных формулах. В тексте причета, сложенного от имени солдата, читаем:

И мы трудились за Русию подселенную,
И за эту мы веру христанскую,
И за царя да мы трудились благоверного.

(Барсов, с. 217)

⁸ Кашкаров Д. Присяга под знаменем. Основы солдатских знаний: присяга, назначение солдата, дисциплина и знамя. СПб., 1888. С. 9.

Знание данной трехчастной идеологемы в крестьянской среде, мы не сомневаемся, сформировалось в фольклорной традиции благодаря определенной идеологической пропаганде, исходившей из церковных проповедей. Не последнюю роль в проникновении названной идеологемы в крестьянское сознание сыграли и солдаты-отпускники. Остановимся подробнее на каждой из составляющих названной трехчастной идеологемы.

Отечество. Как это ни покажется странным человеку начала XXI века, идеологема «отечество» для крестьянского мира в 1868 году не была безусловной ценностью. Неграмотный русский крестьянин не знал слово «отечество». Это понятие требовало специального настойчивого разъяснения солдатам-новобранцам. В брошюре Д. Кашкарова читаем: «Отечество — это есть земля, на которой мы родились, народ, среди которого мы выросли и живем. Земля и народ, который мы должны любить всем сердцем своим и всею душою своею, за честь, целость и благоденствие которого мы должны жертвовать своею жизнью. Наше отечество зовется „Россиюю” и „Русским государством”».⁹

Материалы Е. В. Барсова свидетельствуют, что во второй половине XIX века для плакальщиц очень важным было представление о так называемой «малой родине» — деревне, волости, далее которой русские крестьянки, как правило, не бывали. «Малая родина» в сознании воплещиц противопоставлена всей остальной России, которая для них является чужой. Идеологема «малой родины» в севернорусских причитаниях представлена формулами «родимая сторонушка» и «родима родинка» (т. е. «родина»). В одном из причитаний мать от имени рекрута прощается с селом:

И ты прости, прости, село да деревенское!
 И ты, усадьба-то, прости да красовитая!
 И вы, деревенки, простите, садовитые!
 И вы простите, темны лесушки дремучии,
 И все сахарнии садовы деревиночки!
 И вы, простите-тко, луга да сенокоснии,
 И добра молодца, поля да хлебороднии!
 И сине славное, прости да ты, Онегушко,
 И ты, родимая, прости меня, сторонушка!
 И прости, волость-то, меня да красовитая,
 И ты, сторонушка, прости меня гульливая,
 И ты гульливая сторонка, щегольливая!
 И ты прости, да молодецки вольна волюшка!
 И ты прости, да Божья церковь посвященная
 И Пресвятая Мать, прости, да Богородица!

(Барсов, с. 52)

В другом голошении мать наказывает рекрута, вызванному в «зловидный город Петровский» (т. е. Петрозаводск, где собирались рекрута со всего Олонецкого края), пойти в церковь и помолиться, чтобы Господь избавил его от службы Государевой и «возвратил бы на *родиму* тебя *родинку* / И во свой да дом, крестьянскую во жирушку» (Барсов, с. 81; ср. с. 137). Тема «родимой родинки» и «родимой сторонушки», которую солдат вспоминает вдали от дома, пронизывает буквально все тексты, представленные у Е. В. Барсова (Барсов, с. 53, 86, 92, 102, 104, 107, 114, 115, 118 и др.). Пролетающая птица заставляет солдата задаться вопросом: «И на мою ль летишь *родиму* на *сторонушку*?» (Барсов, с. 101; ср. с. 105). Для олонецкого крестьянина образ «родимой сторонушки» оказывается тесно связанным со «славным Онегуш-

⁹ Там же. С. 9; см. также: *Булгаковский Д.* Напутное молодому русскому солдату. СПб., 1884.

кой», т. е. с Онежским озером. Видя птицу, солдат, оторванный от дома, обращается к ней:

И ты ведь слéтишь на родиму на мою родину,
И ты под сиверну холодную сторонушку,
И ты за славное за сине за Онегушко.

(Барсов, с. 101—102; ср. с. 87, 96, 106 и др.)

В приведенном выше тексте прощания рекрута с «родимой сторонушкой» перечисляются те ценности, которые собственно и составляют этот образ: село, поля, луга, леса. Но главной ценностью для плакальщицы и новобранца является дом — «хоромное строеньице». В одном из плачей вопленица от имени солдата следующим образом прощается с родным домом:

И сноровите-тко вы, власти милосердыи,
И мне пройти да по хоромному строеньицу,
И по двору пройти, бурлаку, колесиситому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мни проститься со хоромным строеньцем.

(Барсов, с. 50)

Формула «хоромное строеньице», равным образом как и формулы «родимая сторонушка» и «родима родинка», в причитаниях, записанных Е. В. Барсовым в 1868 году, повторим, занимает важное и весьма значимое место (Барсов, с. 47, 54, 57, 58, 60, 62, 66 и др.). Все они отображают идеологему «малая родина».

Образ же «большой родины» — отечества, России — для крестьян XIX века остается неактуальным. В материалах Е. В. Барсова слова «родина» и «отечество» не зарегистрированы. Единично встретилась формула «земля русская», которая манифестирует всю Россию (Барсов, с. 46). В очень немногих текстах наличествует формула «Русия (Россея) подселенная», причем встречается она исключительно во фрагментах, сложенных от имени солдата. В одном из причитаний рисуется картина воинской присяги, которую принимали солдаты в начале своей службы, — новобранцев «сводили в Божью церковь посвященную, / И приводили их к присяге вековечной»:

И мы служить будем царю-богу российскийскому,
И мы стоять будем за веру христианскую;
И мы не сделаем измены в каменной Москвы,
И мы спасать будем *Россею подселенную*.

(Барсов, с. 103)

В другом плаче, который плакальщица исполняет от имени солдата, отпущенного домой на побывку после Крымской войны, в уста наследника царского престола вложены такие слова:

Уж вы brave солдаты завоенныи,
И постояли вы за веру христианскую,
И пострадали за *Русию подселенную*,
И сберегли вы царя-бога великого.

(Барсов, с. 189)

Эта же трехчастная формула в несколько измененном виде — «за веру христианскую, за Русию подселенную, за царя-то благоверного» — повторяется еще несколько раз в этом же причитании (Барсов, с. 201, 204, 217). Солдаты молят Бога во время Крымской войны, чтобы тот дал им силы «спасти да ведь Русию подселенную» (Барсов, с. 205; ср. с. 206, 218). Те же мотивы — обязательство солдата «постоять за

Русию подселенную» и обращение к Богу с просьбой «спасти Русию подселенную» — встречаются и в другом причитании, исполняемом также от имени солдата, прибывшего на побывку в родное село на похороны отца (Барсов, с. 244, 245).

В причетах, сложенных от имени женщин, провожающих новобранца в армию, образ «Русии подселенной» практически отсутствует. На протяжении 200 страниц издания имеется лишь один эпизод, где сестра высказывает желание стать птицей, чтобы «облететь всю Русию подселенну бы» (Барсов, с. 68) и найти брата-солдата в дальних городах.

В формуле «Русия подселенная» обращает на себя внимание форма «Русия». Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, слово «Русия» впервые зарегистрировано в документах 1493 года. Как название Московского государства это слово активно использовалось в XVI—XVII веках, а в XVIII веке оно встретилося у А. Н. Радищева.¹⁰ По-видимому, это слово в XIX веке оставалось в диалектном языке Заонежья. Во всяком случае, оно оказалось формулообразующим для олонекких воинских причитаний этого времени.

Тем не менее, повторим еще раз, идеологема «большая родина», выраженная в заонежских плачах формулой «Русия подселенная», для голошений второй половины XIX века неактуальна. Представление о родине у плакальщиц связано исключительно с родной деревней. По материалам причитаний Е. В. Барсова мы можем утверждать, что на данное время еще не произошло «превращение» русских крестьян в граждан государства. Условиями данного «превращения» в самом конце XIX—начале XX века стали развитие железных дорог и промышленности, стимулировавших в стране внутреннюю миграцию. В формировании представлений о «большой родине» сыграла свою роль и армия. Именно здесь неграмотным крестьянам, надевшим солдатские шинели, разъяснялись понятия «отечество» и «Россия». Процесс формирования у крестьян представлений о «большой родине», понятно, занял несколько десятилетий. В книге Н. В. Третьякова «Беседы офицера-воспитателя с молодыми воинами» (1908), предназначенной для офицеров, отвечавших за идеологическую подготовку солдат, — менее формальной, чем брошюра Д. Кашкарова, — имеется разъяснение, в котором разграничиваются понятия «малого» и «большого» отечества. «Что же такое отечество? — писал Н. В. Третьяков в «Беседах офицера-воспитателя с молодыми воинами» в 1908 году. — Отечество — это земля наших отцов. Это дом, где вы родились, где ваши предки и ваши родители жили, работали, страдали, где переживали радость и горе. Это кладбище, где они покоятся под тенью деревьев, это школа, где вы учились читать и писать, где нашли себе товарищей. Это место, где вы играли по праздникам, это тенистые тропинки, где началась ваша первая любовь с молодой соседкой, которая для многих окончилась свадьбой. К этой деревне невольно стремятся ваши думы. (...) Но это маленькое отечество, оно занимает крохотный уголок в большом отечестве России. (...) Большое отечество образовалось постепенно в течение многих столетий под руководством Великих Князей, Царей и Императоров. Оно доставляет маленькому отечеству неоценимые удобства и дает ему широкое существование, которого оно само по себе не могло бы достигнуть».¹¹ Описанная идеологическая пропаганда, безусловно, давала ожидаемые плоды. Представление о «большой родине» первоначально внедрялось в солдатское сознание и со временем через солдат-отпускников входило в крестьянский мир.

Царь. Продолжая разговор о тех ценностях, которые призван был в XIX веке защищать солдат, обратимся к идеологеме «царь», «государь». Традиционно считается, что русскому крестьянину было свойственно царистское сознание. Однако

¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 221, 520.

¹¹ Третьяков Н. В. Беседы офицера-воспитателя с молодыми воинами. СПб., 1908. С. 21—22.

анализ причитаний Е. В. Барсова показывает, что слово «царь» (и производные от него) в образной системе, созданной плакальщицами, не занимает сколько-нибудь значимого места. Фактически слово «царь» появляется лишь во фрагментах, посвященных специфике солдатской жизни. Приведем еще одно описание названной выше церемонии принятия присяги:

И как нас сводят в Божью церковь посвященную
И принимать да нас присягу уречённую,
И служить да верой-правдой нам, солдатушкам,
И без измены-то царю-богу русийскому!

(Барсов, с. 65)

При этом подчеркнем, что тема «верной службы» русскому царю («без измены») причитания в данный период в целом не волнует. Плакальщица готова молиться, класть поклоны за царя, но делает она это исключительно ради того, чтобы тот «пожаловал» ее «ладу милую» (т. е. мужа):

Уж я первый поклон по́ложу
За царя за благоверного,
И еще поклон я по́ложу
За царицу благоверную,
Я еще же поклон по́ложу
За царёвых за малых детей,
Я еще же поклон по́ложу
За всю службу Государеву,
Я еще да поклон по́ложу
За свою да ладу милую,
Ладу милую любимую,
Штобы Господи помиловал.
Великий царь его пожаловал,
Умоленную ладу милую!

(Барсов, с. 119)

В тех немногих фрагментах голошений, где появляется слово «царь», оно получает фольклорные эпитеты (т. е. эпитеты, закрепленные за этой лексемой в других жанрах русского фольклора) — «царь благоверный», «царь белый». Встречается формула «царь-бог русийский», «русийский царь» (Барсов, с. 217, 220, 245, 246). Явно поздним привнесением из внешнего мира в язык плачей является эпитет «великий» — «великий царь», «царь-бог великий», «царь превеликий» (Барсов, с. 156, 186, 189, 220, 223, 243, 244). Полагаем, что этот эпитет вошел в язык причитаний опять-таки через систему официальной пропаганды, которая велась среди солдат. Единично встретилась еще одна поздняя формула — «великий энператор (император)» (Барсов, с. 115).

С образом царя (государя) связан один из ключевых образов русских воинских причитаний XIX века — «Государевой службы». В текстах, записанных Е. В. Барсовым, военная служба неизменно называется «злодийной службой Государевой» (Барсов, с. 57, 65, 67, 73, 80, 92 и др.), «грозной службой Государевой» (Барсов, с. 46, 47, 48, 64, 66, 75 и др.), «злодийной грозной службой Государевой» (Барсов, с. 81, 148), «злодий-службой государевой» (Барсов, с. 133, 141, 215, 219, 224), «горе-службой Государевой» (Барсов, с. 73), «трудна-тяжелой службой Государевой» (Барсов, с. 203), «горегорькой службой Государской» (Барсов, с. 102), «убойной службой Государевой» (Барсов, с. 63), «проклятой службой Государевой» (Барсов, с. 137), «царской грозной службой» (Барсов, с. 200) и т. д. Производным от слова «государь» прилагательным причитания именуют все атрибуты, связанные с набором рекрутов в армию: «указы Государевы», которыми объявляется рекрутский

набор и которыми крестьяне, согласно тексту причитаний, оказываются «обрестованы» (Барсов, с. 47); «принём Государев», — по-видимому, приемная, т. е. помещение, где происходит оформление рекрутов в армию (Барсов, с. 58); «мера Государева», т. е. инструмент для измерения роста, используемый при медицинском осмотре рекрутов (Барсов, с. 54, 57, 65); «жандар(м)ы Государевы», которые следят за порядком во время рекрутских наборов (Барсов, с. 55). «Часты наборы Государевы» (Барсов, с. 121) крестьянским миром воспринимаются как великое горе.

Таким образом, слово «Государь (Государев)», т. е. «царь», в плачах попадает в сугубо негативный контекст. «Служба Государева» в сознании воплениц связана с «чужой дальней стороной», которая манифестирует представление о «чужом» («ином») мире. В поэтической системе причитаний «чужая сторона» противопоставлена «хоромному строеньицу», т. е. дому — «нашему» миру. В глубинных основах идеологемы «чужой стороны» лежат представления о мире мертвых. В условиях насильственного призыва рекрутов в армию в XIX веке эта идеологема прирастила себе также представление о «грозной службе Государевой». Равным образом представление о «Царской службе Государской» накладывается и на другую основополагающую мифему русских причитаний — мифему дороги, которая также ассоциируется с «чужим» миром. Плакальщица обращается к рекруту:

Ты поешь, да мило дитятко,
 Не в любимую да путь-дороженько,
 Не в любимую, во дальнюю,
 Во дальнюю да печальную,
 Ты во службу-то во Царскую,
 Во Царскую да Государскую...

(Барсов, с. 112)

В одном из текстов в плаче жены по мужу-рекруту звучит прямое проклятие службе Государевой:

*И быди проклята та служба Государева,
 И разлучат да многих добрых столько людושек,
 И как бурлакушков ведь е да с молодой женой!*

(Барсов, с. 129)

Без сомнения, понятия «царь», «Государь», с одной стороны, и «служба Государева», с другой — в традиционном крестьянском сознании не совпадают, странным образом в глазах крестьянского мира они оказываются разведены в разные эмоциональные поля: за идеологемой «царь» остаются только положительные коннотации; «служба Государева», напротив, связана с сугубо отрицательными значениями.

Вера. В противоположность ожиданиям, третья составляющая идеологемы «за веру, царя и отечество» в причитаниях, записанных Е. В. Барсовым, т. е. «вера», оказалась представленной в текстах в очень скромном объеме. Идеологема «вера» встречается в плачах, созданных вопленицами от имени солдат, причем наличествует в немногих эпизодах, где актуализируется трехчастная идеологема «за веру, царя и отечество»:

И мы стояли за Русию подселенную,
 И не дробили мы за веру христианскую,
 И сожалели мы царя да превеликого.

(Барсов, с. 103)

В связи с идеологемой «вера» в текстах Е. В. Барсова нами зарегистрирована единственная формула — «вера христианская» (Барсов, с. 103, 189, 217).

Олонецкий материал 1868 года позволяет сделать вывод, что на данный период русская деревня еще жила представлениями исключительно о «малой родине», противопоставленной всему остальному миру. Гражданское сознание в крестьянской среде в первое пореформенное десятилетие находилось в зачаточном состоянии. В последующие годы начинает происходить медленное превращение крестьян в сознательных граждан России.

Причитания 1877—1878 годов

К сожалению, объем текстов, прямо или косвенно отражающих ситуацию 1877—1878 годов, в десятки раз меньше материала 1868 года. Воспоминания о Балканской войне, по всей вероятности, звучат в «Плаче матери по убитом на войне сыне» (Агренева-Славянская, с. 63—65), записанном О. Х. Агреновой-Славянской от И. А. Федосовой в 1886—1887 годах. «Когда придет в дом весть с войны об убитом сыне, то соберутся все родные выть по покойнике, а вопленица причитает», — комментирует собирательница данный текст (Агренева-Славянская, с. 63).

Формульная система этого причитания практически не отличается от плачей И. А. Федосовой, записанных от нее Е. В. Барсовым. Плакальщица, как и в 1868 году, идеологему «солдат» выражает с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса и эпитета: «желанный наш солдатик». Идеологема «враг» представлена формулами общего характера, не включающими в себя этническую характеристику противника, с которым воевала Россия на Балканах: «окаянный супостат», «супостаты козьнекозные», «вороги супостатные». Цели и задачи войны И. А. Федосовой, по-видимому, оставались абсолютно непонятными. По-прежнему актуальным остается представление о «малой родине»: «родима сторонушка», «родимое гнездышко». Отголосок знания, что в 1877—1878 годах русские солдаты воевали на территории чужого государства, в причитании выражен формулой «страны завоённые»:

Натомилося рожено дитятко,
Наскиталося по *странам завоённым*,
По приходицькам что незнакомим.

(Агренева-Славянская, с. 64)

В другом фрагменте причитания появляется формула «чужая земля»:

Закопают тия на *чужой земле*
От родимого что гнездышка вдалё,
Вблизь-то супостатов тех что козьнекозных,
Вблизь ли ворогов тех супостатных.

(Агренева-Славянская, с. 65)

«Плач при проводах новобранца», записанный О. Х. Агреновой-Славянской от И. А. Федосовой в 1886—1887 годах (Агренева-Славянская, с. 76—81), ничего принципиально нового в наше представление о рекрутских причитаниях этой выдающейся вопленицы не добавляет. Равным образом причеты плакальщиц из Тверской губернии (Агренева-Славянская, с. 76—81) и Владимирской губернии (Агренева-Славянская, с. 82—83) для нашей темы нового материала не дают.

Весьма интересными с точки зрения идеологем, отражающих идеологию российского государства, оказались костромские тексты, записанные Ф. Д. Нефедовым и опубликованные М. М. Зиминым. Плачи Ф. Д. Нефедова не датированы, однако содержание их позволяет твердо связать эти тексты с 1877—1878 годами.

Трехчастная идеологема «за веру, царя и отечество» в костромских плачах не зарегистрирована. Однако в отношении идеологемы «царь» здесь прочитывается примерно та же картина, что и в плачах Е. В. Барсова. Фигура царя плакальщицами под сомнение не ставится. Они наставляют новобранца:

Служи, служи, мое дитяtko,
Государю царю батюшке:
Не покинет он, кормилец наш,
Вас солдат бедных.

(Зимин, с. 12)

А служи Государю царю батюшке,
Не оставит он вас
Солдат бедных без наградушки.

(Зимин, с. 15)

Служба же «государская» («чарская»), как и в олонецких плачах, трактуется негативно — как «неволя великая»:

Провожая я тебя, горюха,
Далеким далекохонько
На цужую дальну сторону,
Я во службу во чарскую,
Во неволю великую.

(Зимин, с.17; ср. с. 18, 19)

В отличие от олонецких причитаний 1868 и 1886—1887 годов костромские плачи обращают на себя внимание тем, что в условиях войны в голошениях актуализируется образ врага, который рисуется в его исторической конкретике. Костромские плакальщицы в 1877—1878 годы четко понимали, с каким неприятелем отправляются воевать их мужчины. Надо полагать, что соответствующую информацию крестьянки, оплакивавшие своих мужей, сыновей и братьев, забираемых в армию, получали из церковных проповедей и других официальных источников. В текстах Ф. Д. Нефедова читаем:

Говорят все люди добрые:
Подымается война тяжелая,
Идут турки некрещенные,
Всех порежут нас несчастных.

(Зимин, с. 13)

Подымается туретчина,
Не миновать тебе, дитяtko,
Быть убиту в поле турками,
Да и к нам придет поганый он.

(Зимин, с. 11)

Говорят люди добрые,
Что война идет сильная,
Поднимается турка поганая,
Убьет она тебя некрещеная.

(Зимин, с. 15—16)

Процитированные отрывки демонстрируют, что в причитаниях 1877—1878 годов возникает новая идеологема, практически отсутствовавшая в плачах Е. В. Барсова, — война. В олонецких текстах 1868 года тема войны возникает только в го-

лошениях, посвященных солдатам, прибывшим на побывку. В их уста вкладывается картина военных тягот, лишенная каких-либо патриотических красок. Идеологема «война» оказывается тесно переплетенной с идеологемой «служба Государева», которая, как мы показали, имеет исключительно отрицательные коннотации:

И мое дальнее солдатско похождение —
И много раз был на великом сраженьице,
Я на службе-то ведь был да Государевой,
И кабы знали, да вы братцы, про то ведали,
И про злодйну эту службу Государеву:
И на сраженьице спокою не видали,
И трои суток мы хлеба не едали;
И не начаялись солдаты, не надиялись,
Што ведь в живности победным быть головушкам!
И, знать, по нашему великому таланьцу
И мы Господа-то Бога упросили
Аль родители за нас да умолили,
Што сраженьице у нас да уходилося,
Што *война-то* ведь у нас да усмирилася!
(Барсов, с. 189)

В другом фрагменте этого же плача солдат так описывает солдатскую жизнь:

И во походах мои ножки притопталися,
И от оружьев белы ручки замахалися,
И на сраженьице бурлак да я состарелся,
И на *войны* да бело личё изменилося!
(Барсов, с. 190)

Всякого патриотического флёра идеологема «война» лишена и в костромских причитаниях 1877—1878 годов. Ко времени начала русско-турецкой войны на Балканах Россия, напомним, на протяжении 20 лет не знала военных событий. Объявление войны, без сомнения, потрясло народное сознание, и хотя театр военных действий разворачивался за пределами страны, в костромских плачах война рисуется как народное бедствие: «война тяжелая», «война сильная», «время военное». Устойчивым в причитаниях становится мотив грядущей гибели солдата: «Не миновать тебе, дитятко, / Быть убиту в поле турками» (Зимин, с. 11); «А тебе, мой любезный друг, / Непременно быть убитому» (Зимин, с. 13); «Едва ли ты, родимый наш, / Воротишься с поля здоровым» (Зимин, с. 14); «Убьют тебя турки некрещеные» (Зимин, с. 15).

Правда, наряду с данными строками, отражающими исключительно личностные переживания во плениц, в плачах Ф. Д. Нефедова мы обнаружили принципиально новый мотив — мотив понимания необходимости военной службы ради защиты страны. В причитании жены по мужу читаем:

Если бы все дома сидели,
Пришли бы неверные басурмане,
Всех бы нас передушили.
(Зимин, с. 13)

Данные строки отражают начало тех процессов, которые в конце концов приведут к превращению крестьян в сознательных граждан государства.

Причитания периода Первой мировой войны

Из записей самого начала XX века обратим внимание на «Рекрутскую припечь», записанную Н. С. Шайжиным в Олонецкой губернии¹² около 1903 года, т. е. в мирное время. К этому времени рекрутская система осталась далеко в прошлом. Срок службы уже не измерялся ни 25 годами и даже ни 15 годами, как это было в начале военной реформы. Соответственно, с введением обязательной военной службы в прошлое ушел институт «наймитов», когда крестьянская семья, чтобы избавить своего сына от рекрутчины, покупала «охотника», шедшего в армию вместо того, на кого пал жребий. Причитание, записанное Н. С. Шайжиным, отражает эти изменения:

Уж как в нынешнии годицьки
 Нет солдатушек наемных,
 Нет наймитов окупленных;
 Нашим-то жадобным
 (т. е. жалобным солдатакам. — Т. И.)
 У царя служба присбавлена
 На два на три круглых годицька.

Тем не менее общий тон плача остается прежним, описанным нами по материалам Е. В. Барсова. Здесь мы находим знакомое нам противопоставление «малой родины» («милая родина») и всей России («цюжа дальня сторонушка»). Необходимость военной службы в мирное время оставалась крестьянам непонятной.

В тексте Н. С. Шайжина есть мотив «наказа матери новобранцу», содержание которого имеет сугубо частный характер («не забудь родителей») и не несет в себе никакой государственной идеи:

Уж наказываю, бедная —
 Хошь уйдешь, наше жадобное,
 Не забудь-ко ты, пожалуста,
 Своих сердечьных родителей.
 Ты пиши-тко нам, пожалуста,
 Скоропивцятку грамотку
 Про службу Государеву.

В плачах Великой Отечественной войны, как мы покажем ниже, мотив наказа займет принципиально важное место и при этом наполнится патриотическим содержанием.

Определенные сдвиги в причитаниях произошли во время Первой мировой войны. К сожалению, материал этого периода, так же как и записи 1877—1878 годов, крайне скуден. Многие изменения, которые, мы не сомневаемся, произошли в жанре, в настоящее время описанию уже не поддаются. Имеющиеся в наличии тексты дают картину неполную и искаженную. К тому же работы И. И. Ульянова (основной материал), написанные в форме статей, а не публикаций паспортизированных материалов, порой заставляют подозревать, что описывая ситуацию Первой мировой войны, автор пользовался материалом Е. В. Барсова. Тем не менее попытаемся проанализировать основные идеологемы, отражающие официальную идеологию России в новой исторической ситуации.

В плачах, записанных И. И. Ульяновым в Пермском крае, сохраняются знакомые нам характеристики солдат: «солдат походный», «бессчастный солдат походный», «солдат бессчастный», «бессчастный солдатушко», «дорогой солдатушко»,

¹² Шайжин Н. С. К материалам по народной словесности: Рекрутская припечь, записанная в Негижме // Олонецкие губернские ведомости. 1903. 13 мая. № 49.

«солдатик» (Ульянов, с. 246, 250, 254, 255, 258). Формула «храбрые солдатушки» (Ульянов, с. 247, 248, 254), в которой на первый план выдвигается характеристика «храбрые», обусловленная государственными задачами, для текстов этого периода, как и для записей Е. В. Барсова, является, скорее, исключением, чем правилом.

В причитаниях И. И. Ульянова мы находим следующие уже знакомые нам характеристики врага: «неприятель», «злодий враг», «супостат», «враги, супостатные», «злодей-неприятель» (Ульянов, с. 240, 249, 254). Опять-таки нигде не дается этническая характеристика врагов России того времени (а противниками нашей страны, напомним, во время Первой мировой войны были Германия, Австро-Венгрия и Турция). Полагаем, что отсутствие в плачах имени прямого конкретного военного противника — это следствие малого объема записанных текстов, в результате чего мы имеем искаженную картину. Напомним: другой фольклорный жанр, частушки, знает этнонимы «немцы/германцы» и «австрийцы/австрияки» и рисует их нередко в сатирическом виде.

Как свидетельствуют материалы, собранные И. И. Ульяновым, к началу Первой мировой войны идеологема «за веру, царя и отечество» прочно вошла в мужское сознание и в обрядовый обиход народной жизни. В статье «Клятвенные обещания в окопах» И. И. Ульянов приводит слова одного из солдат о последнем дне в родном доме: «Как теперь вижу (...) в последний час лампадка горит. Отец и мать благословляют иконой и хлебом с солью. После этого отец снимает с себя крест и надевает на меня, говоря: „Господь тебя благословит идти на доброе военное дело *служить за веру, Царя и Отечество*»». ¹³

В текстах И. И. Ульянова трехчастная идеологема «вера, царь и отечество» встречается неоднократно. Старушка-вопленица, приглашенная в дом новобранца, для того чтобы помогать родственницам солдата причитывать, голосит в доме в то время, как солдат, согласно ритуалу, катается на лошадях вместе со своими друзьями и посещает своих родных, прощаясь с ними:

Далеко от родимой сторонушки (...)
Тамо храбрые наши солдатушки
Они страждут *за веру христианскую,*
Они служат *за Русь подселенную,*
Сберегают *царя благоверного.*

(Ульянов, с. 247)

Мысль о вере, царе и отечестве звучит и в другом фрагменте ее причитания:

И возговорят они (солдаты. — Т. И.) таково слово:
«Постоим *за веру христьянскую,*
Сбережем *царя благоверного,*
И царицу-мать милосердную,
Все наследство его правоверное.
Спаси, Боже, *Русь подселенную,*
Ты Покров-Пресвята Богородица,
Ты покрой нашу *родину-матушку!*»

(Ульянов, с. 248)

В связи с нашей темой необходимо специально присмотреться к фигуре названной старушки-вопленицы — посторонней для семьи солдата-новобранца. Какова ее роль в обряде проводов солдата в армию в период Первой мировой войны? Как уже сказано, она должна помогать родственницам солдата причитывать, подсказывать им слова плачей. Однако описанный И. И. Ульяновым обряд позволяет

¹³ Ульянов И. И. Клятвенные обещания в окопах (из материалов, лично собранных). Пр., 1915. С. 7.

выявить и другие, более важные, функции, которые выполняет посторонняя старушка-вопленица.

Во-первых, она направляет весь ритуал, руководит им, говорит, что должны делать в тот или иной момент участники обряда. Последний день солдата в родной семье строится по следующей схеме: утром для новобранца топится баня, затем его сажают за стол, начинаются причеты матери и жены; солдат отъезжает в церковь отслужить молебен, женщины остаются дома; после молебна солдат вместе с товарищами катается по селу, посещает своих родственников, прощается с ними, женщины-родственницы при встрече с ним причитывают; в это время в доме солдата продолжают причитания матери и жены, в плачах участвует и старушка-вопленица; солдат с товарищами возвращается в родной дом, начинается застолье — «печальный пир», в продолжение всего застолья женщины продолжают приплакивать; по окончании застолья все присутствующие молятся перед иконами; дальше происходит благословение солдата отцом и матерью (он стоит на коленях, они благословляют его иконой и хлебом); солдат, ведомый под руки товарищами, выходит из дома, женщины продолжают причитывать, не дают ему садиться в сани (на телегу), провожают его за околицу деревни; за околицей происходит окончательное прощание, солдат уезжает.

Старушка-вопленица, как мы уже сказали, посредством причета направляет ритуал. Так, в момент возвращения солдата с товарищами после катания на лошадях и посещения родственников именно она обращается к новобранцу и заводит его за стол:

Заходи-ко же, наше дитятко,
Ты в своё-то да тепло гнездышко (...)
Ты саднсь-ко со всем родом-племенем
И со всеми людьми православными.

(Ульянов, с. 260)

Она же дает сигнал окончания «печального пира» и начала следующего этапа обряда — молитвы перед образами:

Знать, пришла пора да то времячко
С-за стола вставать добру молодцу,
Зажигать свечу воску ярого,
Творить славу всем перед Господом.

(Ульянов, с. 262)

Напомним еще раз, что все это время в избе звучат причитания матери, жены, сестер новобранца. Прерывая их, старушка-вопленица напоминает, что солдату пора просить благословение у родителей:

Собирайся-ко, добрый молодец,
Сподобляйся в путь да дороженьку,
Ты проси себе благословеньце,
Ты у батюшки, ты у матушки,
У всего-то да роду-племени.

(Ульянов, с. 265)

Функция руководителя обряда, по-видимому, для приглашенной вопленицы является давней, исконной. Но на начало XX века за этим действующим лицом обряда закрепляется еще одна функция, без сомнения более поздняя, — выражение государственной точки зрения на необходимость солдатской службы, необходимость защиты отечества. В причитаниях матери, жены, сестер, крестной матери звучат лишь «личные» мотивы — мотивы горя, вызванного расставанием с родным человеком:

Не дай, Господи, расставатися
 Со своим сердечным дитятком.
 (Ульянов, с. 237; из плача матери)

Оставляешь меня, горе-горькую,
 Со своими детьми сердечными (...)
 С кем мне думушку теперь думати,
 С кем мне мысли теперь мыслити.
 (Ульянов, с. 237; из плача жены)

Для родственниц солдата важна тема противопоставления крестьянского мира (христианского) и армейского (нехристианского).

Старушка-вопленица в своих текстах, напротив, манифестирует, что солдатский долг — это долг гражданский. И. И. Ульянов писал об этом персонаже обряда: «Она, в противовес родственницам и знакомым, которые вносят в свои причёты много личного элемента — сожаления, горя и внутренней тоски при расставании с воином, объясняет присутствующим великую цель призвания на войну и тем на время останавливает причитания о личном горе» (Ульянов, с. 240). И далее исследователь приводит следующий текст:

Уж как в нынешнюю пору-времячко
 Сочинилась да объявилася
 Служба грозная государева.
 Взволновался и ополчается
 Неприятель на Русь православную,
 На отца-царя благоверного,
 На царицу-мать милосердную,
 На наследство все православное.
 (Ульянов, с. 240)

В своем причитании приглашенная вопленица формулирует солдату цели его призыва в армию — спасение России от врагов:

Ты послужишь да верой-правдою
 Государю да царю белому,
 Ты спасать будешь Русь подселенную.
 (Ульянов, с. 240)

«После краткой причети старушки, раскрывающей цель призвания воинов на службу государеву, — заключает И. И. Ульянов, — все на время успокаиваются, женщины почти перестают плакать» (Ульянов, с. 241).

Понимание необходимости солдатской службы в военных условиях звучит и в ленских текстах М. К. Азадовского. Помимо ожидаемых и психологически совершенно оправдываемых мотивов страха за жизнь своих родных («Уж останесся ли ты в живых, голубчик мой, / Хош бы ты вернулса, ненаглядный мой» — Азадовский, с. 84), в причитаниях возникают мотивы, которые свидетельствуют, что русские крестьянки в начале XX века начинают думать государственными категориями:

Молюсь то я Осподу Богу:
 Пособи ты нашему царю белому
 Забрать то злых етих неприятелёв,
 Што вжать то их силу проклятую,
 Уш дай ты имя, Осподи, силы-помошши,
 Заступи за нас то мир православной,
 Победы ты злово шупоштата.
 (Азадовский, с. 81)

Обратим внимание на последнюю из процитированных строк — «*Победи ты злово шупоштата*». Здесь заложена важная идеологема «победа», которая, как мы покажем дальше, займет одно из ключевых мест в причитаниях периода Великой Отечественной войны.

Материал М. К. Азадовского свидетельствует о глубинной народной мудрости. Ленские крестьянки осознавали опасность политического расшатывания страны во время войны. Одна из плакальщиц, провожая в армию сына в 1915 году, сложила следующие строки:

Напуштила на наш такой шупоштат,
 На нашево царя белово,
 На веш то мир православной (...)
 Ты служи-ка службу царскую,
 Службу царскую неизменную,
Не изменяй ты царя белово,
Не сымайтеша с политикой,
Не слушайте вы таких шуточкох,
 Не губите вы самих шебя,
 Служите царю верой-правдою,
 Заступайтеша за веш правошлавной мир,
 И жа вшо своё отечесво.

(Азадовский, с. 80)

Строки «Заступайтеша за веш правошлавной мир, / И жа вшо своё *отечесво*» могут служить доказательством того, что в предреволюционное время в крестьянском сознании уже достаточно прочно сложилось представление о «большой родине». Слово «отечество», главное в формуле «за веру, царя и отечество», входит в текст плачей. Официальная пропаганда, отраженная в таких видах традиционной культуры, как лубочная картинка, частушки, песни, пусть и в гораздо меньшей степени, сказывается и на причитаниях — жанре личностном и интимном. Процитированный фрагмент интересен также как пример мотива материнского наказа, который займет прочное место в голошениях времен Великой Отечественной войны.

Причитания периода Великой Отечественной войны

Октябрьский переворот 1917 года отверг большинство из идеологических ценностей Российской империи. Внедрение в народное сознание революционных ценностей происходило в условиях кровавой Гражданской войны. И причитания это зафиксировали. В 1919 году М. М. Зимин в Костромской губернии присутствовал при проводах «дезертиров», забираемых в Красную Армию. «Оплакивали их, как мертвецов или людей, заранее приговоренных к смерти», — писал собиратель.¹⁴

В одном из плачей вопленица противопоставляет прежние, дореволюционные, воинские призывы, когда мужчины забирали в мирное время на действительную военную службу, и насильственные наборы в Красную Армию в 1919 году:

Как уж прежние времечко,
 Прежние тихое.
 Коли служили они действительной,
 Уж не так страсти великие,
 Уж не так сымали с плеч головушки.
 А топереш не то времечко:
 Страсти-то великие —
 И уж гонят как скотинушку,

¹⁴ Зимин М. М. Указ. соч. С. 2.

Под ружьи-ти их под светлые,
Уж под пули-ти шипучие,
Под сабли-ти ясные.

(Зимин, с. 6)

В другом тексте мать-старообрядка, оплакивая сына, забираемого в Красную Армию, называет новые власти «безбожными»:

Из-за кого (вероятно: И за кого. — Т. И.) ты воевать пошел, ладо милое?
Уж власти все безбожные,
Уж поста́м-то они не постились,
Ни почитали ни среды, ни пятницы.
За то наказала всех Владычица:
Они приняли табаки те, дымы горькие,
Да самовары те светлые,
Да чай-то сахарные.

(Зимин, с. 8—9)

Таковыми были настроения в 1919 году. Однако к началу Великой Отечественной войны, т. е. к 1941 году, под влиянием исторических обстоятельств и успешно работавшей советской пропагандистской машины в крестьянском сознании произошли существенные изменения. Проследим, как трансформировались описанные выше идеологиемы и формулы в причитаниях этого времени.

Как и в предыдущее столетие, уход мужчин на войну переживался русскими женщинами как тяжелейшее горе. В. Г. Базанов в 1942 году мог наблюдать проводы новобранцев, происходившие на берегу реки Печоры: «Из Нарьян-Мара вышел пароход „Молоков“. К маленьким избушкам, которые рассыпаны по всей Печоре, заменяя собой пристани, постепенно сходилась народ, подходили молодые деревенские парни с котомками за плечами и деревянными красными чемоданами в руках, а за ними тянулись бабушки, матери, жены, сестры и сестрицы. Они провожали своих внуков, сыновей и мужей, братьев и братьонов на фронт. Трудно было разобрать слова, но слова были протяжные. Это вопленицы голосили свои „плаксы“. Они выплакивали любовно и нежно, каждая по-своему рассказывала о своем „чаде“ и „ладе“ милым. Наконец, показался пароход. (...) Капитан дает один за другим свистки к отправлению, а матери и сестры все крепче и крепче прижимают к своей груди ненаглядных добрых молодцев. Пароход отчаливает. Капитан дает прощальные свистки. Вопленицы низко склоняют свои головы и, немного покачиваясь из стороны в сторону, повторяют свой материнский наказ: „Бить врага да беспощаднее“. Причитывают они и на обратном пути в деревню, иногда голосят безудержно с утра до позднего вечера».¹⁵

Однако, несмотря на доминирование жанра голошений в обряде проводов новобранцев, воинская тема в причитаниях периода Великой Отечественной войны претерпела существенные изменения, вызванные несколькими причинами. Во-первых, к середине XX века в России, переставшей быть аграрной страной, еще до начала войны сформировалось гражданское сознание. Русский крестьянин, включенный в масштабные миграционные процессы, охватившие Россию еще в 1900—1910-е годы и усилившиеся в 1930-е годы, несмотря на все негативные стороны этих процессов, к 1940-м годам твердо осознавал себя не только жителем своей «малой родины», но и гражданином большой страны, носившей тогда наименование Советский Союз. Во-вторых, Великая Отечественная война, ставшая тяжелейшим испытанием для России, обострила чувство патриотизма советского народа. Граждане страны (в том числе и крестьяне — носители традиционной культуры)

¹⁵ Базанов В. Г. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943. С. 54—55. Далее в тексте — Базанов, Поэзия Печоры.

понимали, что под угрозой поставлена независимость России, существование ее как отдельного государства. В опосредованном виде это отразилось и в причитаниях. Наконец, определенное влияние на плачи этого времени оказал и предвоенный опыт сложения причетов на смерть большевистских вождей и героев (В. И. Ленин, С. М. Киров, А. М. Горький, Н. К. Крупская, летчики В. И. Чкалов, А. К. Серов, П. Д. Осипенко и др.). Создание этих плачей, как нам уже приходилось писать, инспирировалось и поощрялось собирателями. Причитания подобного рода охотно печатались в советской прессе, а сказительницы, их сложившие, окружались почетом и уважением.¹⁶ Все названные факторы, повторим еще раз, способствовали развитию специфических особенностей в плачах в период Великой Отечественной войны.

Итак, вернемся к нашим идеологемам. По материалам сборника В. Г. Базанова и А. П. Разумовой «Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера» идеологема «солдат» потеряла то горестное отношение к «бессчастным солдатушкам», отрываемым от правильного крестьянского мира, что было свойственно записям Е. В. Барсова. Слово «солдат» (см. «солдатушки», «солдатушки победные», «солдатушки военные», «солдатики служилые» — Базанов—Разумова, с. 245, 247, 268, 486, 508, 515, 548) уступает место другим лексемам, которые конкретизируют образ советского солдата. Причитания знают формулы «бойцы-товарищи» (Базанов—Разумова, с. 497), «герои советские» (Базанов—Разумова, с. 448), «красные воины» (Базанов—Разумова, с. 338), «матросы корабельные» (Базанов—Разумова, с. 508, 515), «военный пограничник» (Базанов—Разумова, с. 411), «санитары военные» (Базанов—Разумова, с. 433) и др. В одном из голошений плачей сообщает, что отправила на фронт

Одного сыночка летчиком,
А другого пулеметчиком.
(Базанов—Разумова, с. 433)

В Заонежье, захваченном финнами, создавшими там целую сеть лагерей, куда были согнаны местные жители, развернулось мощное партизанское движение. Соответственно в текстах заонежских причитаний появляется слово «партизанушки» (Базанов—Разумова, с. 287, 319), «партизанушки красные» (Базанов—Разумова, с. 319), «любимые партизанушки» (Базанов—Разумова, с. 241), «партизанушка молодой» (Базанов—Разумова, с. 436) и т. д. В плачах, в отличие от дореволюционных текстов, наличествует обобщенный образ армии (Красной Армии), с которой связан безусловно положительный круг коннотаций (Базанов—Разумова, с. 57, 238, 305, 348, 378). Красную Армию ждут как освободителей заонежские плакальщицы, оказавшиеся в оккупации: «ожидали мы да Красну Армию» (Базанов—Разумова, с. 366). Красная Армия в текстах причитаний получает эпитеты «могучая» (Базанов—Разумова, с. 250), «наша могучая да мощна» (Базанов—Разумова, с. 240), «славная» (Базанов—Разумова, с. 288), «любимая наша» (Базанов—Разумова, с. 308), «доблестна» (Базанов—Разумова, с. 447) и др. Отметим, что все приведенные эпитеты полностью соответствуют лексике газет 1930—1940-х годов, которые творили миф о «непобедимой и легендарной родной Красной Армии».

Идеологема «враг» в причитаниях Великой Отечественной войны оказывается ключевой. Эта идеологема получила, пожалуй, самое большое количество формульных воплощений. Плачи данного времени, естественно, знают обобщенный образ врага: «враг-неприятель» (Базанов—Разумова, с. 51), «нечистый враг» (Базанов—Разумова, с. 52), «враг нечистый неверный» (Базанов—Разумова, с. 53), «лихи вороги» (Базанов—Разумова, с. 123), «злые люди вороги» (Базанов—Разу-

¹⁶ См. подробнее: Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. М., 2002. С. 432—511 и комментарии.

мова, с. 123), «злой враг поганый» (Базанов—Разумова, с. 73), «ядовитый враг да скверный» (Базанов—Разумова, с. 73) и др. Для создания образа врага, напавшего на Россию в XX веке, печорские плакальщицы обращаются к былинной лексике: «враг-издолице» (Базанов—Разумова, с. 69), «Издолице неверное» (Базанов—Разумова, с. 69), «Издолице поганое» (Базанов—Разумова, с. 69).

Однако более характерными становятся формулы, в которых отражается конкретная историческая ситуация. Ряд формул строится вокруг слова «немец» («немецкий»): «немец проклятый» (Базанов—Разумова, с. 484), «враг немецкий» (Базанов—Разумова, с. 54, 126), «злой враг немецкий» (Базанов—Разумова, с. 127), «нечистые враги немецкие» (Базанов—Разумова, с. 54) и др. В новосоставленных формулах активным является также слово «фашист»: «фашисты-неприятели» (Базанов—Разумова, с. 60), «фашисты окаянные» (Базанов—Разумова, с. 282, 289, 299, 300, 327, 518), «фашисты распроклятые» (Базанов—Разумова, с. 234, 420), «проклятые фашисты» (Базанов—Разумова, с. 300, 327), «фашист проклятый» (Базанов—Разумова, с. 387), «фашисты злодейные/злодийные» (Базанов—Разумова, с. 531, 534) и др. В Заонежье сложились следующие формулы: «финны окаянные» (Базанов—Разумова, с. 350), «фашисты белофинские» (Базанов—Разумова, с. 320), «финны супостатные» (Базанов—Разумова, с. 300, 327), «злодеи белофинские» (Базанов—Разумова, с. 371), «супостаты белофинские» (Базанов—Разумова, с. 287), «ястреба злые финские» (Базанов—Разумова, с. 447), «лайбаки проклятые» (Базанов—Разумова, с. 226, 297) и др.

Формула, описывающая врага, в некоторых текстах разрастается на несколько стихов:

...фашисты супостатые,
Они хитрые да лютые,
Они хитрые, лукавые.
(Базанов—Разумова, с. 433)

В одном из печорских голошений создается следующий яркий образ врага. Мать, отправившая сыновей на фронт, причитывает:

Не на это были вы рощены,
Не про злого врага да ядовитого,
Ядовитого да лиховитого,
Ядовитый враг да скверный он (...)
Чего ему гаду надобно,
Злому ли ему врагу поганому,
Худому фашисту ядовитому,
Ядовитому да лиховитому.

(Базанов—Разумова, с. 73)

Весьма выразительными являются также формулы, в которых враг персонафицируется в образе Гитлера: «несчастный Гитлер» (Базанов—Разумова, с. 503), «проклятый Гитлер» (Базанов—Разумова, с. 446, 448, 457, 514) и др.:

Защищать они пошли Россию-матушку,
Россию-матушку от проклята Гитлера,
Проклята Гитлера да как разбойника.

(Базанов—Разумова, с. 176)

Таким образом, повторим еще раз, тема врага в причитаниях периода Великой Отечественной войны, помимо конкретного описания его зверств, чему посвящено множество текстов, в области фольклорных формул получает детальную разработку. Приведенные примеры демонстрируют активное формулотворчество севернорусских воплениц.

Следует сказать, что тезис об активном формулотворчестве во время Великой Отечественной войны справедлив не только по отношению к голошениям Русского Севера, но и к другим региональным традициям. Примером может служить причитание, записанное в 1944 году А. В. Бардиным в Чкаловской области.¹⁷ Этот плач создан смоленской плакальщицей от имени советских людей, угнанных в фашистскую Германию. Явно проецированный на предвоенный опыт сложения сказов, текст построен на противопоставлении нашего мира (традиционные формулы «народ православный», «святорусские»; новые формулы «славные герои», «храбрые герои») и врагов (новые формулы «враг вскровавленный», «скоты», «звери лютые», «немчура зубатая», «идолы проклятые», «разномастно жирная, пузатая», «германски харины») (Бардин, с. 112—113).

В двух воронежских записях В. А. Тонкова — «Причитание по угнанным в немецкую неволю девушкам» и «Причитание по замученным фашистами советским военнопленным»¹⁸ — идеологема «враг» выражена формулами «злодеи», «злодеи изверги», «злодеи проклятые», «враг-недруг», «вороги». Для выражения идеологемы «солдат» воронежские плакальщицы употребляют формулу «советские богатыри» (Тонков, с. 40—41).

Причитания казаков-некрасовцев, записанные Ф. В. Тумилевичем в 1944 году,¹⁹ также свидетельствуют, что в данной традиции плачи активно создают новые формулы для образа врага: «злой ворог», «ворог нечистый», «разбойники», «враги-изверги», «изверги проклятые», «вороги лютые», «злой антихрист окаанный», «сатана подземельная», «немчуга проклятая», «разоритель-немчуга проклятый», «немчуги трисподние», «немчуга злодейский», «заразы немецкие», «вороны немецкие» и др. (Тумилевич, с. 21—22, 23—24, 45).

Отмеченное активное формулотворчество, без сомнения, порождено напряженными эмоциональными переживаниями, возникшими во время войны. Эти переживания активизировали импровизационные импульсы, изначально заложенные в жанре причитания.

По-иному, чем в дореволюционных причитаниях, выстраивается и идеологема тех ценностей, которые призван защищать солдат. Трехчастная идеологема «за веру, царя и отечество» для государства, строившего социализм, естественно, оказалась неприемлемой. Однако от идеологемы «отечество» Советский Союз, как и любое государство, отказаться не мог. В условиях военного времени понятие «отечество» становится главным в идеологической пропаганде, однако само слово «отечество», как и в плачах дореволюционного времени, практически не встречается. По материалам В. Г. Базанова и А. П. Разумовой главной в причитаниях стала лексема «Родина», причем плачи советского времени, в отличие от текстов предшествующего периода, активно употребляют слово «Родина» для обозначения «большой родины», т. е. страны, которую защищают воины. В одном из печорских плачей читаем:

Хоть молодёхонек да зеленёхонек,
Он пошел да со желаньца,
Он стоять да за свою Родину.

(Базанов—Разумова, с. 56; ср. с. 57, 58, 62, 73, 227, 371, 378, 379, 385, 386 и др.).

¹⁷ Советский фольклор Чкаловской области / Сост. А. В. Бардин. Чкаловск, 1947. Далее в тексте — Бардин.

¹⁸ Народное творчество в дни Великой Отечественной войны: Сборник / Сост. В. А. Тонков. Воронеж, 1945. Далее в тексте — Тонков.

¹⁹ Меч правды: Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне / Запись, предисл. и сведения о сказителях Ф. В. Тумилевича. Ростов н/Д., 1945. Далее в тексте — Тумилевич. Те же тексты причитаний перепечатаны в сборниках: Песни и сказки: Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне / Запись, вступ. статья и сведения о сказителях Ф. В. Тумилевича. Ростов н/Д., 1947; Фольклор казаков-некрасовцев / Запись текстов, вступ. статья, сведения о сказителях Ф. В. Тумилевича. Краснодар, 1948.

Слово «Родина» в языке севернорусских причитаний получает эпитеты «великая» (Базанов—Разумова, с. 352; ср. с. 446), «родная» (Базанов—Разумова, с. 72). Иногда образ «малой» и «большой родины» в тексте причитаний сливается воедино:

Пошли они (солдаты. — Т. И.) да поехали
Защищать они свою *Родину*,
Свои-то да печорски края.

(Базанов—Разумова, с. 50)

Предпочтение лексемы «Родина» для выражения идеологемы «отечество» отмечается и в причитаниях других регионов России. Так, в «Плаче девушки на немецкой каторге», записанном А. В. Бардиным от плакальщицы из Смоленской области, читаем:

И поругана *моя Родина*;
Что кормила меня и лелеяла,
Что учила меня и вырастила.

(Бардин, с. 110)

В шадринском тексте (Курганская область) голошения матери по убитому на фронте сыну используется формула «любимая Родина»:

Провожала тебя, добрый молодец, <...>
Защищать *любиму Родину*.

(ИРЛИ, р. V, кол. 1, п. 38, № 1, л. 168)

Причитания знают также образ «Родины-матери». В названном «Плаче девушки на немецкой каторге» есть следующие строки:

Ветры буйные, вы шумливые,
Донесите вы слово мое
Гневное и призывное
До *Родины моей матушки!*

(Бардин, с. 110)

Актуальность слова «Родина» в фольклорном формулотворчестве периода Великой Отечественной войны, мы полагаем, может быть связана с газетной лексикой, а также со знаменитым плакатом «Родина-мать зовёт!» художника Ираклия Моисеевича Тоидзе, созданным в первые дни войны, в конце июня 1941 года.

Помимо лексемы «Родина» для выражения идеологемы «отечество» плачи используют также формулу «Россия-матушка», не зарегистрированную в материалах Е. В. Барсова. Не сомневаемся, что устойчивость в текстах причитаний образа-композиита (Россия + матушка) не в последнюю очередь обусловлена также названным плакатом, в котором актуализированы представления о Родине (России) как матери:

Забрать он враг хочет *Россию-матушку*,
Забрать наши города богатые,
Забрать нашу землю-матушку,
Землю-матушку да землю хлебную.

(Базанов—Разумова, с. 53)

Помоги ты, Бог, да детям отецким
Отстоять *Россию нашу матушку*.

(Базанов—Разумова, с. 62; ср. с. 57, 68,
69, 72, 73, 74, 127, 159, 161 и др.)

К слову «Россия» в некоторых севернорусских текстах, как и к лексеме «Родина», прикрепляется эпитет «великая»: «широко Россия великая» (Базанов—Разумова, с. 73).

У севернорусской крестьянки середины XX века есть четкое представление об огромности страны, в которой она живет, и об определенных регионах государства:

Отобрал у нас да злой, лихой ли враг,
Отобрал нашу Россию-матушку,
Россию-матушку, нашу Украину,
Украину да хлебородную.

(Базанов—Разумова, с. 172)

Образ России у воплениц тесно связан с образом Москвы: «Москва матушка великая» (Базанов—Разумова, с. 338).

Идеологема «отечество» в фольклорном сознании периода Великой Отечественной войны сопрягается с понятием «советский». Подчеркнем, что это слово достаточно прочно укоренилось в устно-поэтическом языке причитаний военного времени:

Защитят они *страну Советскую*.

(Базанов—Разумова, с. 55; ср. с. 54, 126, 127)

Проливал он кровь горячую
На защите *земли Советской*.

(Базанов—Разумова, с. 392)

Забрались супостатые,
Они на землю да на русскую,
На *территорию советскую*.

(Базанов—Разумова, с. 433)

Не дать бы да злому Гитлеру
Не разорить чтобы да *власть Советскую*.

(Базанов—Разумова, с. 56; ср. с. 62, 457)

Особого разговора заслуживает идеологема «Сталин», очевидным образом заступившая на место идеологемы «царь». В сборнике В. Г. Базанова и А. П. Разумовой «Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера», на который мы опираемся, имя Сталина отсутствует. Однако у нас есть все основания полагать, что это результат цензурной правки, которой подверглись тексты. Книга вышла в свет в 1962 году, через 6 лет после знаменитого XX съезда коммунистической партии, на котором в докладе Н. С. Хрущева был разоблачен, как тогда говорили, «культ личности» Сталина. Соответственно, имя этого политического деятеля тщательно изымалось из всяческого положительного контекста.

В 1943 году, сразу же после печорской экспедиции 1942 года, В. Г. Базанов издал небольшую монографию «Поэзия Печоры», в которой привел многочисленные отрывки из записанных им и А. П. Разумовой причитаний. В 1945 году фольклорист выпустил в свет другое исследование — «За колючей проволокой», — отражающее материал его онежских экспедиций 1944 года.²⁰ Названные книги свидетельствуют, что образ Сталина в севернорусских причетных текстах наличествует. Имя Сталина в сознании воплениц неизменно связывалось с абсолютными идеологиче-

²⁰ Базанов В. Г. За колючей проволокой: Из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск, 1945. Далее в тексте — Базанов, За колючей проволокой.

скими ценностями: с Родиной, Красной Армией и победой над врагом. Приведем несколько примеров из книги «Поэзия Печоры»:

Пособи, Бог, *нашему Сталину*
Отстоять нашу Родину да нашу матушку.
(Базанов, Поэзия Печоры, с. 58)

Пособи ты, Бог, нашим добрым молодцам
Защищать нашу да свою родину,
Защищать свою Россию-матушку,
Не пущать врага да ядовитого
Во нашу-то страну советскую.
Нашему товарищу да Сталину
Пособи да управлять страной,
Нашей страной да нашей родиной.
(Базанов, Поэзия Печоры, с. 64)

Пожелаем-ка *товарищу да Сталину*
Научить наших да добрых молодцев,
Пожелаем-ка *товарищу да Сталину*
Бить врага да беспощаднее,
Разгромить проклятого да Гитлера,
Сохранить войска да добрых молодцев,
Их вернуть домой да со победою.
(Базанов, Поэзия Печоры, с. 69)

В соответствии с правилами, сформировавшимися в предвоенных причитаниях об умерших вождях и героях советского времени, Сталин рисуется заступником семьи, которую оставил погибший на фронте солдат:

Ты не плачь, родитель маменька,
Как во столице белокаменной
Есть защитушка надежная,
Там уж светит красно солнышко —
Дорогой Сталин наш батюшко,
Не оставит он нас беднушек
И горюх да горегорьких.
(Базанов, За колючей проволокой, с. 44)

Те же самые мотивы в связи с образом Сталина складываются и в других регионах страны. Так, в плачах казаков-некрасовцев читаем:

Ты восстань, восстань, наш батюшка,
Ты восстань, *родной батюшка Сталин!*
Собери же ты наших детушек (...)
Да пошли соколов наших,
Соколов славных, соколов храбрых!
Да разбейте злого врага,
Да разгромите немчугу проклятую.
(Тумилевич, с. 21)

В редких случаях образ Сталина сочетается с образами других вождей большевиков:

Защитят они страну советскую,
Помогут *товарищу Сталину,*
Сталину нашему да Ворошилову.
(Базанов, Поэзия Печоры, с. 60)

Напомним, что главный лозунг, с которым советские солдаты поднимались в атаку в годы Великой Отечественной войны, формулировался как «За Родину, за Сталина!». Неоднократно повторенный в средствах массовой информации того времени, этот лозунг, согласно идеологии сталинского режима, воплощал в себе ценности, которые призван был защищать советский солдат. Причитания же, несмотря на всю интимность этого жанра, в данный период оказались абсолютно созвучными официальной идеологии государства.

Идеологема «вера», как не трудно догадаться, в плачах Великой Отечественной войны отсутствует: в стране победившего социализма всякая христианская составляющая в идеологии исключалась. Мы можем предположить, что в исконных текстах плакальщиц, — текстах, не предназначенных для ушей собирателей, — идеологема «вера» наличествовала. Однако в текстах, которые вопленицы исполняли для фольклористов, они, полагаем, включали механизмы самоцензуры. Не исключаем, что определенные цензурные изменения были внесены и составителями сборника.

Продолжая разговор о причитаниях Великой Отечественной войны, мы хотели бы обратить внимание на то, что в данный период образуются (или получают качественно иное развитие) новые идеологемы, отражающие государственные идеи.

Остановимся на некоторых из них. Естественно, в рассматриваемых плачах актуальной становится идеологема *война*. В причитаниях 1942—1945 годов эта идеологема раскрывается в конкретике войны как таковой. Помимо обобщенных формул «война кроволитная» и «война кровопролитная» (Базанов—Разумова, с. 395, 398, 399, 418, 429, 503 и др.), а также «война немецкая» (Базанов—Разумова, с. 531), «война германская» (Базанов—Разумова, с. 439, 492, 493, 523) и т. д., причитания знают конкретные приметы войны: «бои-сраженьица» (Базанов—Разумова, с. 432), «бои кровавые» (Базанов—Разумова, с. 395), «битвы непомерные» (Базанов—Разумова, с. 432), «полюшко бранное» (Базанов—Разумова, с. 412), «бранное поле» (Базанов—Разумова, с. 503, 516), «полюшко братское» (Базанов—Разумова, с. 497), «большое сраженьице» (Базанов—Разумова, с. 394) и др. Наряду со старыми фольклорными формулами «сабля острая» и «быстра пуля» воинские плачи создают новые формулы: «пушки большерядные» (Базанов—Разумова, с. 531, 532), «пулеметы зенитные» (Базанов—Разумова, с. 531, 532), «бомбы разрывчатые» (Базанов—Разумова, с. 531), «аэропланы летучие» (Базанов—Разумова, с. 442), «самолеты быстрогокрылые» (Базанов—Разумова, с. 518), «ружье семипулучное» (Базанов—Разумова, с. 509), «ружье дальнобойные» (Базанов—Разумова, с. 397), «танки скороходные» (Базанов—Разумова, с. 397), «окопы глубокие» (Базанов—Разумова, с. 520) и т. д.

В голошениях появляется еще одна новая идеологема, отсутствовавшая в текстах предшествующего времени, — *победа*. По имеющимся в поле нашего зрения записям, эта идеологема лишь намечена в причитаниях времен Первой мировой войны, когда противостояние противоборствующих сторон было не менее напряженным, чем в 1941—1945 годах, а территориальные потери России также были весьма значительными. Напомним, что в приведенном выше фрагменте из ленского причета есть строка «*Победи ты злово шупоштата*» (Азадовский, с. 81). Других следов идеологемы «победа» в текстах Первой мировой войны мы не обнаружили. В плачах же Великой Отечественной войны эта идеологема становится ключевой, что обусловлено, мы не сомневаемся, зрелым гражданским самосознанием русского крестьянства.

Нередко причитания используют эпитет «великая», строя формулу «победушка великая»:

Уж как сбылись слова вещие
О *победушке великой*.

(Базанов—Разумова, с. 449)

В одном из текстов описывается, как плакальщица узнала о победе над фашистами:

А как в день мая девятого,
Как сказали да нам бедным,
Матерям да нам обидным,
Да как жёнущкам кручинным,
Что война да замирилася,
И победа объявилася
Над врагом да неприятелем.

(Базанов—Разумова, с. 455)

Описанные в связи с идеологемами «солдат», «враг», «отечество», «война», «победа» формулы, как уже неоднократно указывалось, не в последнюю очередь опираются на язык средств массовой информации того времени, т. е. на язык радио и газет. Отметим также, что новосоставленные формулы оказываются полностью созвучными тексту воинской присяги, которой руководствовалась Красная Армия в период 1939—1947 годов: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской *Красной Армии*, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным *бойцом*, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников. Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей *Советской Родине* и Рабоче-Крестьянскому Правительству. Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей *Родины* — Союза Советских Социалистических Республик и, как *воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии*, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной *победы над врагами*. Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение Советского народа».

Следует сказать, что, помимо формул, отвечающих идеологемам советского времени, причитания периода Великой Отечественной войны создали (или развили) и новые мотивы, отсутствовавшие в дореволюционных текстах. Мы хотели бы обратить внимание на мотив родительского наказа, который мать дает сыну, уходящему в армию.

В дореволюционных текстах мотив наказа появляется спорадически, причем суть наказа в текстах этого времени — быть покорным начальникам, чтобы они не гневались на солдата. За этой формулой практически не стоит никакого патриотического содержания. Верой-правдою солдату следует служить для того, чтобы его служба была легкой. В наказе крестной матери крестнику, уходящему на фронт Первой мировой войны, читаем:

Ты служи-ко да верой-правдою
Государю да царю белому, —
Тебе служба да будет легкою,
Тебя Бог-от да будет миловать,
Государь-ёт будет жаловать,
Добры молодцы станут завидовать.

(Ульянов, с. 245)

Государственная компонента в мотиве наказа в дореволюционных олонечских причитаниях встретила лишь единожды в плаче жены, обращенном к мужу-солдату:

Станешь служить ты, лада милая,
Станешь служить ты царю белому,

Великому да энператору;
Ты служи-тко верой-правдою!

(Барсов, с. 115)

Выше был приведен фрагмент из ленского плача М. К. Азадовского, в котором также звучит понимание миссии, возложенной на солдата: «Служите царю верой-правдою, / Заступайте за веш правошлавной мир, / И жа вшо своё отечесво» (Азадовский, с. 80).

В причитаниях периода Великой Отечественной войны в мотиве наказа происходят важные изменения. Тема покорности начальству в текстах этого времени встречается как исключение. Основное содержание родительского наказа в плачах этого времени принципиально иное — защищай родину, бей врага. Этот мотив, специально подчеркнем, не единичен, он встречается во множестве текстов. Приведем несколько примеров:

Защищай-ко ты ведь Родину,
Рождёно мое дитяtko,
Не жалей-ко своей силушки,
Не жалей своей могутушки.

(Базанов—Разумова, с. 392)

Ты борись, мое бажёное,
Со врагом со супостатным,
Со фашистом-неприятелем.

(Базанов—Разумова, с. 432)

И ты гони, сугрева теплая,
Ты фашистов-то злодейных,
Со свое-то земли-матушки,
И чтобы не были проклятые,
Как во нашей во Россиюшке,
Не обижали бы злодейные
Нас головушек победных.

(Базанов—Разумова, с. 531)

Ты вокой-ко, красно солнышко,
Со свои родитель-батюшкой
За свою да ты за Родину.
Не дорожи своей головушкой,
Ты уж бей врага проклятого
Из большого ты орудия.

(Базанов—Разумова, с. 466)

Уж ты бей врага, наша, без промаху,
Истребляй да до единого,
Защищайте да свою Родину,
Свою Родину да жизнь счастливую.

(Базанов—Разумова, с. 187)

Чады мои кровные, сыновья сердечные,
Бейте его, антихриста, до тех пор,
Чтобы прах его земля черная, земля немецкая пожрала!

(Тумилевич, с. 22)

Истоки этого мотива, без сомнения, лежат в советских ритуалах проводов на фронт. Во время войны — особенно в первые ее недели и месяцы — призыв в ар-

мию был массовым. Из одной деревни призывали сразу большую группу мужчин. Администрация (сельский совет) организовывала митинги, на которых присутствовали практически все жители. Старики, прошедшие Первую мировую и Гражданскую войны, женщины-активистки, родители призывников в своих речах в обязательном порядке давали наказ бить врага, изгнать его с советской земли. Эти наказания, рожденные на митингах, неоднократно озвученные по радио, на протяжении многих месяцев печатаемые в газетах и журналах, и стали основой нового, сугубо фольклорного, мотива в воинских причитаниях.

Равным образом в текстах времен Великой Отечественной войны возникает еще один новый мотив — мотив мщениия, которого не было в причитаниях XIX века и, насколько мы можем судить, в плачах периода Первой мировой войны. В голошении по погибшему сыну мать обращается к его боевым товарищам:

Уж вы милые товарищи,
Не оставьте меня беднушку,
Отомстите неприятелю
За роженного, баженого,
За меня старуху старую.

(Базанов—Разумова, с. 442)

В одном из текстов мать, пережившая фашистскую оккупацию в Заонежье, наказывает сыну:

Ты разбей-ка всё врага да супостатного,
И отомсти ему, злодею супостатному,
За эти за учётны за три годышка,
Перебей же ты гада ядовитого,
И приезжай домой с победой к родной матери.

(Базанов—Разумова, с. 238)

В голошении матери при получении похоронки на сына возникают следующие строки:

Как бы была бы я, победушка,
Помоложе я, несчастная,
Я приделала бы крылышки,
Я слетала бы в Германию,
Отомстила бы я Гитлеру,
Я б волосушки повыврала
Из фашиста ядовитого,
За рожёного, бажёного.

(Базанов—Разумова, с. 467)

Наряду с новыми мотивами «наказа» и «мщениия» в причитаниях времен Великой Отечественной войны складывается также мотив «проклятия врагам». Напомним, что в дореволюционных текстах «проклятие» направлено по отношению к «службе Государевой» («*И быди проклята та служба Государева*»). В текстах периода Великой Отечественной войны проклятие звучит, естественно, в адрес фашистов:

Будьте прокляты, злодеи супостатные,
Трижды прокляты фашисты окаянные,
Погубили вы сердечно мое дитяtko.

(Базанов, За колючей проволокой, с. 14)

Проклятие обращается и против матерей, родивших врагов:

Будьте прокляты матеря, спородившие змеев лютых!
Ох, изойдите же вы все кровью черною,
Кровью черною, немчуги ненавистные!

(Тумилевич, с. 24)

Проклятие может быть направлено в адрес Гитлера:

Будь проклят этот злодей да окоянный
Уж как этот Гитлер кровопивный.

(Базанов—Разумова, с. 333)

Кожедёр проклятый,
Кровожадный Змей Тугарин,
Антихрист в треисподни,
Будь ты проклят,
Будь ты проклят,
Будь ты проклят, Гитлер!

(Тумилевич, с. 21)

Подведем итоги. Сравнительно-сопоставительное исследование воинских причитаний разного времени убеждает нас в том, что плачи в той или иной форме вступают во взаимодействие с идеологией государства на каждом из этапов его существования и отражают наиболее значимые изменения в идеологии. На материале того хронологического отрезка, который мы рассмотрели (с 1868 до 1945 года), можно отметить тенденцию к усилению этой корреляции. Если в записях Е. В. Барсова вопленицы имеют довольно смутное представление об идеологических ценностях государства, нередко вступают в противоречие с официальной идеологией царской России, то в материалах периода 1940-х годов идеология причитаний практически полностью совпадает с идеологией тогдашнего Советского Союза.

Принципиальное сопряжение официальной идеологии с причитаниями, жанром фольклорным, по-нашему мнению, в первую очередь связано с произошедшими в конце XIX — начале XX века в России изменениями: промышленная революция, нарастающие миграционные потоки и, как следствие этого, формирование у крестьянства государственного самосознания. Все это вело к тому, что неграмотные русские крестьянки в той или иной форме уже в обозначенное время оказывались причастными официальной идеологии царской России.

В конце 1930-х годов русский крестьянин, включенный в новые масштабные преобразования, охватившие Россию, несмотря на все противоречивые и часто негативные стороны этих преобразований, твердо осознавал себя не только жителем своей «малой родины», но и гражданином большой страны. Подчеркнем, что формирование гражданского самосознания стало результатом объективных процессов, лежащих вне большевистской идеологии.

Одновременно следует сказать, что в условиях сталинского режима, укрепившегося в Советском Союзе в 1930-е годы, на причитаниях сказывался и специфический прессинг тоталитарной пропагандистской машины. Повторим: определенное влияние на плачи Великой Отечественной войны оказал и предвоенный опыт сложения плачей на смерть большевистских вождей и героев. Создание этих причитаний, как нам уже приходилось писать, поощрялось фольклористами. Названные довоенные голошения открыли для фольклорной традиции газетную лексику, которая нашла место и в плачах Великой Отечественной войны.

Можно отметить, что во время войны, в условиях напряженных эмоциональных переживаний, воинские причитания получили дополнительные импульсы к

импровизации. Война, ставшая тяжелейшим испытанием для России, обострила национальное самосознание народов, населявших Советский Союз. Эмоциональное напряжение, как мы показали, способствовало развитию активных процессов формулоторчества, причем лексической базой для создания новых формул в основном становится язык средств массовой информации — газет и радио.